

УДК 141.33

<http://doi.org/10.36906/KSP-2020/09>*Берилло И.В.**Нижневартровский государственный университет
г. Нижневартовск, Россия*

НЕКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МИСТИЦИЗМ Н.А. БЕРДЯЕВА

Аннотация. В статье на примере творчества Николая Александровича Бердяева рассматривается сущность мистики и проблемы мистицизма в целом. В работе утверждается, что мистическое учение русского мыслителя имеет особый внеконфессиональный характер. Подчеркивается, что в центре его философии находятся вопросы бытия, духа, свободы, смерти, творчества человека, которые рассматриваются в мистическом ключе. Отмечается, что в своих трудах Бердяев направляет человека к познанию себя, к борьбе за свою свободу. Делается вывод, что у Бердяева через познание мистики происходит познание себя и единение с Богом. В работе анализируются ключевые для русской философии Серебряного века понятия духовности, свободы и творчества. Анализ внеконфессионального мистицизма Николая Бердяева позволяет раскрыть наиболее сложные и глубокие вопросы человеческого существования.

Ключевые слова: мистика; внеконфессиональный мистицизм; магия; духовно-культурная деятельность; проблема свободы; мистическая философия.

Одним из самых ярких представителей отечественного философского мистицизма считается Николай Александрович Бердяев (1874–1948). Являясь мыслителем с именем мирового масштаба, он одновременно оставался «глубоко русским мыслителем», поскольку его идеи берут начало из отечественной культуры [12, с. 18].

Первоначально необходимо обратиться к значению и сущности понятия «мистицизм». Это позволит нам в полной мере понять идеи внеконфессионального мистицизма Николая Бердяева. Данный термин переводится с греческого как «таинственный». Мистицизм – это философское и богословское учение, а также особый способ понимания и восприятия мира, основанный на эмоциях, интуиции и иррационализме [11, с. 864]. «В этом смысле традиция мистической философии (и часто внутри самого богословия) становится еретической даже не столько “по букве”, сколько в силу исходной установки на личностное переживание, постижение, в противовес смиренному принятию догматических установлений» [13, с. 18].

Владимир Соловьев понятие мистики трактует, как «совокупность явлений и действий, особым образом связывающих человека с тайным существом и силами мира, независимо от условий времени, пространства и физической причинности. Это и есть мистика – реальная или опытная» [1, с. 287]. Также Соловьев дает другое понятие мистики – род «религиозно-философской познавательной деятельности». Таким образом, мистика представляет собой способ познания, который существенно отличается от опыта чистого мышления, предания, авторитета. Это отличие заключается в том, что мистическое познание допускает

возможность непосредственного общения познающего субъекта с «абсолютным объектом познания», т. е. сущностью всего, или Богом [1, с. 288].

Бертран Рассел рассматривает мистику с рационалистической точки зрения. Для него она являлась не только представлением и ощущением, но и системой убеждений. Он считает, что мистическая философия опирается на веру в способность интуитивного проникновения в саму суть познаваемого предмета и веру в возможность обретения истины путем внезапного озарения [14, с. 124].

Советский философ Э.Л. Голосовкер рассматривал мистицизм, как особую философскую систему, основанную на мистическом знании: «Мистицизм – это умонастроение или учение, исходящее из того, что подлинная реальность не доступна разуму и постигается лишь интуитивно-экстатическим способом, каковой усматривается в мистике. В качестве философской доктрины мистицизм представляет собой, таким образом, разновидность интуитивизма и иррационализма» [10, с. 236].

Мистика в понимании Н.А. Бердяева носит особенный внеконфессиональный характер. Она пронизана озарениями автора, его переживаниями и умозаключениями. Николай Александрович на протяжении всей своей творческой деятельности обращается к наследию Ф.М. Достоевского (1821–1881). В трудах русского философа можно увидеть наставления на поиски смысла бытия и осмысление внутренних противоречий, необходимых для дальнейшего обновления личности [12, с. 19].

Также Н. Бердяев был лично знаком и опирался на учения таких немецких мыслителей, как Макс Шелер (1874–1928), Герман фон Кайзерлинг (1880–1946), Освальд Арнольд Готтфрид Шпенглер (1880–1936), Франц фон Баадер (1765–1841). Эти знакомства привели отечественного мыслителя к трудам так называемого «тевтонского философа», мистика Якоба Беме (1575–1624) [3, с. 52].

Решение проблем мистики прослеживаются в работах: «Новое религиозное сознание и общественность» (1907), «Духовный кризис интеллигенции» (1910), «Философия Свободы» (1911), «Смысл Творчества» (1916), «Философия свободного духа» (1927), «Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности» (1935). В своих трудах Н. Бердяев постоянно обращается к свободе, духу и творчеству [4, с. 11].

По мнению Бердяева, мистика не поддается социализации и объективизации, поскольку понять и осознать ее могут немногие. Она не объективна и в то же время не субъективна. Истинная мистика рассматривает тайны существования, первореальности. К примеру, исследователи мистицизма говорят, что душа рождается в Боге, а Бог в душе. Бог ближе к человеку, чем он сам, он внутри всех нас, но мы вовне [2, с. 429].

Духовный человек через мистическое видит мир более остро и реально. Мистика не является языком понятий, она представляет собой особый «язык любви». Без любимого нет любящего, говорит философ. Также и без человека нет Бога. Эта истина духовного опыта, по мнению Бердяева, раскрывается в свободе духа [2, с. 430]. Мистицизм в своей основе связан со свободой мысли и только таким образом, считает русский философ, возможно мистическое познание человеком своей сущности, приближенной к Богу.

Такого рода непосредственное единение и общение одного человека с другим, а в высшем своем проявлении – это единство человека с Богом, является основным условием мистической духовной практики, где рациональность, осмысленность всегда вторична. Поэтому философия как стройная система логических понятий вступает в противоречие с

мистическим познанием. Что в таком случае сближает мистицизм и философию? Дело в том, что мистицизм изначально ориентирован на достижение всеобъемлющего синтеза, который проявляется в особых смысловых и системных характеристиках философского мышления [13, с. 19].

Таким образом, закономерно встает вопрос о том, что есть сущность мистического? Николай Бердяев утверждает, что мистика есть не что иное, как преодоление «тварности» [2, с. 430]. По мнению Н. Бердяева, в мистическом опыте нет более непреодолимого дуализма, чем противостояние божественного и тварного, а также сверхъестественного и естественного. Философ утверждает: «В мистическом опыте тварное обоживается, а естественное становится сверхъестественным. Но, если преодолеть тварность, то есть достичь совершенного соединения с Богом, это не будет значить исчезновения человека и различия двух природ» [2, с. 428]. Преодолевается лишь тварное ничто. Учение о путях обожения мира и человека, о путях преодоления тварного бытия – это и есть мистика.

Мистицизм раскрывает трансцендентное противоположение Бога и человека. Тварность, замкнутый круг мира природы не является последней истиной, не окончательное слово тайны бытия или тайны жизни человека [7, с. 58]. Поэтому ключевым для человека событием является преодоление своей тварности на уровне внутренней свободы и творчества.

В своих трудах Н.А. Бердяев призывает относиться к мистике серьезно, так как она может носить губительный характер, если ее воспринимать, как моду. «В мистике, ставшей модой сегодняшнего дня, призраки смешиваются с реальностями, так как утерян критерий для твердого установления различий. Приятное головокружение от всеобщего смешения влечет к иррациональной, анархической мистике». При этом мыслитель считал, что мистицизм имеет очистительные функции, которые революционизируют мир [8, с. 207].

Философ выступает резко против рациональных методов познания мистики. «Ни природа реальности, ни природа свободы, ни природа личности не могут быть постигнуты рационалистически» [4, с. 12].

Николай Бердяев разделяет мистику на объективную и субъективную. Первая, «соборная» мистика, по его мнению, запрещена и изгнана «критическим сознанием». Второй вид индивидуалистической мистики, мистики «переживаний», приближается к иррациональному «субъективному психологическому состоянию» [8, с. 206].

Часто понятия мистики и мистицизма путают с понятием магии. По этому поводу Н. Бердяев говорит, что сами принципы мистики и магии абсолютно противоположны: «Мистика относится к духу, это есть свобода. Магия же относится к природе» [2, с. 441]. Использование магии в прагматических целях, ради достижения власти часто связано с обращением к силам космоса. Мистика, в свою очередь, – это общение с Богом. Магия в отличие от мистики не духовна, хотя в духовность могут проникать магические элементы [2, с. 442].

Николай Александрович обращает внимание на проблему смерти человека. Он говорит о том, что смерть является важной частью самой жизни, а не только чем-то внешним по отношению к ней. «Конечно, смерть – это событие, которое не сможет избежать ни один человек. Это конечное и в то же время главное событие людей. Смысл жизни человека наполняется благодаря его мыслям о смерти. В следствии появляется поистине глубокий мистический опыт. Перед лицом смерти все едины. Все проблемы, вся обыденность уходит.

Остается только она. Ничто другое, кроме факта смерти не дает задуматься о смысле жизни. Жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть...» [5, с. 216].

В то же время Н.А. Бердяев доносит до нас, что бояться смерти не нужно. Страх перед смертью ставит человека на колени, превращает его в раба. Из-за этого люди не могут быть полностью свободными, пока к ним не придет осознание взаимосвязи своего смысла жизни, творчества и смерти [12, с. 20].

Основой философии Н.А. Бердяева является вопрос свободы. Он считал, что богочеловеческие отношения неразрывно связаны с этой проблемой: она имеет абсолютное значение для человечества. Бог дал человеку свободу и не посягает на нее. У человека есть выбор, который он делает каждый раз сам. Бог не вмешивается в жизнь, свободу человека, так как он есть любовь и добро. Мыслитель дорожил своей свободой, как самым ценным, что дано нам свыше, ведь свобода – это и есть Бог [12, с. 20].

Мыслитель постоянно обращается к истории. Он утверждает, что история – это память. Память – это инструмент творчества. Именно память позволяет сохранять лучшие или важнейшие события нашей жизни. В тот или иной момент наша память воспроизводит кусочки прожитых событий, при этом, казалось бы, совсем бесполезных. Но это не так, пишет философ. Такое проживание помогает острее переживать реальность, подводить итог, нравственно преображаться. Для Н. Бердяева результат нравственного преображения – это всегда новая личность, существующая в гармонии, как с внешним материальным миром, так и с духовной, божественной реальностью. Ощутить в полной мере данное перерождение возможно через акт мистического переживания, что позволяет личности ощутить, осознать свою цельность, внутреннее единство. Но, в то же время такое состояние человека невозможно без внутренней осознанной свободы [12, с. 20].

Мистический взгляд на природу человека предполагает, что такая свобода и есть главное условие для творчества. Основой же человеческого творчества является свобода. Она выражается в возможности творения нового мира вместе с Богом. Это позволяет стремиться к лучшему. Творить добро, оставляя ощущения греховности, зло и страдания. В то же время творчество позволяет преодолеть даже саму смерть [12, с. 21].

Бердяев высказывает смелую для человека мысль о том, что: «Творчество есть ответ человека на призыв Бога. Для дела искупления и спасения можно обойтись без творчества. Но, для Царства Божьего творчество человека необходимо» [12, с. 21].

Н. Бердяев был искренне убежден в высшем духовном предназначении человека: «Духовная жизнь совершается вне времени, вне пространства, вне материи... В духовной жизни, в духовном опыте дано внутреннее единство моей судьбы, судьбы мира, судьбы Бога» [9, с. 31].

Вывести из состояния угнетенности, неоправданности творческого пути духа может мистика. Но, в то же время Н.А. Бердяев утверждает, что порой мистика ведет к порицанию творческой жизни людей, а также усмирению человеческой природы. Русский мыслитель говорит о том, что мистический опыт, переживание жизни в глубине своей ощущает тварность, природность, как состояние греха, как пребывание вне Бога. Именно в Боге преодолевается природное бытие и тварность. В Боге есть уже иная человеческая природа, новая, восстановленная в своей творческой силе [7, с. 71].

Н.А. Бердяев на протяжении всей жизни был уверен в том, что мир испорчен, он греховен, но не человек. Фразой И. Карамзина: «Я мира божьего не принимаю» философ показывает все свои переживания за мир и человечество [6, с. 23].

В процессе знакомства с основными трудами Н. Бердяева возникает вопрос: кем же он был? Мыслителем? Философом? Литератором или мистиком? На этот вопрос однозначно ответить сложно. Возможно, он был мыслителем, писавшем о мистике. Возможно, литературным философом, искавшим ответы на самые сложные вопросы мистики. Николай Александрович получил мировое признание, как философ. Был номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Являлся доктором богословия. Но самое главное – в мире, где так легко потерять себя, он оставался самим собой. Будучи разносторонней личностью в течение всей творческой жизни, он не потерял свои убеждения, принципы, но при этом чувствовал перемены и воспринимал их. Все это богатство природы можно наблюдать в его философских произведениях. Интуитивное понимание мистики Н. Бердяева показывает его индивидуальность, свободу, к которой он так стремился на протяжении всей своей научной деятельности.

Николай Александрович Бердяев – гений, который пытался заглянуть за грань человеческого существования. До конца своей жизни он верил в человека, в его возможности. Поскольку в каждом человеке есть Бог, есть выбор и свобода. Таким образом, человечество сможет, объединившись, преодолеть греховный мир, и свершится преображение. Через мистицизм, через свои жизненные мучения, опыт и мысли Н. Бердяев как бы освещает путь человека в неизвестность. При этом он сам пока не решил: идти дальше или остаться на месте. В этом и был весь Николай Александрович Бердяев и его свободная, глубинная мистика.

Литература

1. Беляев Г.В. Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов н/Д, 1997. 464 с.
2. Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. М., 2007. 462 с.
3. Бердяев Н.А. Из этюдов о Я. Беме. Этюд II // Путь. 1930. № 21. С. 52–62.
4. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. 464 с.
5. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. 384 с.
6. Бердяев Н.А. Правда и ложь коммунизма // Путь. 1931. № 30. С. 3–34.
7. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. 252 с.
8. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. 608 с.
9. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М., 2011. 640 с.
10. Голосовкер Э.Л. Логика мифа. М., 1987. 324 с.
11. Грицанов А.А. Новый философский словарь. М., 2003. 1280 с.
12. Гутова С.Г. Вечность, время и судьба человека в философии Николая Бердяева // Дискуссия. 2014. № 3 (44). С. 18–22.

13. Гугова С.Г. Владимир Соловьев: синкретизм философии всеединства. Нижневартовск, 2009. 166 с.
14. Рассел Б. Почему я не христианин? М., 1987. 268 с.

©Берилло И.В., 2020